

Тамара ИЛЬИНА

Экватор
дня

Тамара ИЛЬИНА

Экватор
дня

Стихи

Хабаровск
2007

УДК 882
ББК 84 (2 Рос-Рус) 6
И 24

Издатель:
Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России –
ООО «Посредник»

*Издано при финансовой поддержке
аппарата губернатора
Еврейской автономной области*

Ильина Тамара Александровна
Экватор дня. Стихи. –
Хабаровск: 2007. – 96 с.

Редактор: Асламов Михаил Феофанович

Иллюстрации: Сидорова Лариса Александровна
Макет, верстка: Чешкин Сергей Александрович

ISBN 5-89999-005-8

© Т.А. Ильина (Сафарова), текст, 2007
© Л.А. Сидорова, иллюстрации, 2007
© Хабаровское региональное отделение
Союза писателей России, 2007

Поэт с астрой в петлице

Вам, дорогой читатель, приходилось испытывать то особое чувство приветливого покоя, когда в осеннюю непогодь войдёшь в деревенскую избу – и вот уже тебя обволакивает ровное тепло, исходящее от недавно протопленной печи, и осязаемое дыхание дерева? Или в быстро сгущающиеся сумерки в поле сгрудиться с друзьями вокруг вороха сухих веток, внутри которого уже задрожал зыбкий огонёк – и разгорелся костёр, и повеселели друзья-товарищи, заговорили... Неожиданно вспыхнула толстая ветка и резко на мгновение отбросила границу темноты и света. Так в стихотворении вспыхивает метафора, отбрасывая границы смысла в глубину тайны...

Такие ощущения света и доброжелательства оставило во мне первое прочтение рукописи стихотворений Тамары Ильиной. И ещё – чувство мягкой печали, любви-жалости, свойственной совестливой «женской поэзии». Это свойство поэзии Т. Ильиной неожиданно проявилось сильно, на вскрике вслед прощальным голосам улетающих птиц:

*О, этот зов, что слышится века
В пронзительности русского стиха,
Тебя настигший в одичалой пойме!
И ты, себя теряя самого,
Как в младости, не знаешь ничего,
И ничего, как в старости, не помнишь.*

При прочтении книги Т. Ильиной в рукописи меня не оставляло удивление. Знаю Тамару Ильину — девочку из села Ленинское Еврейской автономной области, помню, как это худенькое длинноногое существо смущённо читало или декламировало нечто ритмическое. Кто бы мог подумать! Оказывается, девочка всё это долгое время не просто жила, а «продолжалась» и, по моему убеждению, вполне состоялась как поэт. Она обрела устойчивую поэтическую интонацию, свой голос, регистр которого, по определению И. Сельвинского, поставленный на средних нотах, звучит «запросто и очень естественно». Стихотворение, как правило, строится или возникает как сцепка метафор, щедро обогащено неожиданными и свежими сравнениями. И — детально! Важное качество, как признак настоящей поэзии. При этом Т. Ильина, одухотворяя детали природы, быта, умеет использовать их в точной глагольной зависимости, и это добавляет стихотворению слитности и драматизма. И тогда картины природы обретают объёмность и живую трепетность:

*Ветер простоволосый,
До расправы охоч,
Трепет иву за косу,
Как беспутную дочь.*

Или:

*На макушке сомлевшего лета
Опьяняюще пахнет покос.
Над водой ветерок незаметно
Шелестит целлофаном стрекоз.*

Или (из поэды):

*... Видеть, как бегущая осина,
К речке подгоняемая ветром,
Платье через голову снимает.*

Её стихи начисто лишены императивности — и всегда остаётся выбор. Лирический герой — личность сомневающаяся, ищущая в растерянности или в надежде и страдающая — не напоказ, внутренне сдержанно, но всё равно больно...

Я убеждён, что лучшие стихотворения Т. Ильиной были бы уместны в антологическом ряду русской современной поэзии, её пейзажной лирики.

В начале XX века в преддверии «серебряного века» поэзии манифест от поэтов-футуристов вместе с В. Маяковским, Д. Бурлюком, В. Хлебниковым и другими подписала и забытая ныне поэтесса Елена Гуро. Вот строки из одного её стихотворения:

*Я тёплыми руками потому касаюсь жизни,
что как же иначе
касаться раненого?..*

... нестерпимо люблю всё живое.

Мне иногда кажется, что я мать всему.

Эти строки из прошлого можно было поставить эпиграфом к книге стихов Тамары Ильиной ещё и потому, что поэтесса не может состояться, если она выстраивает свою судьбу по стереотипу мужчины, а только когда чувствует, что она есть «мать всему».

Её стихи обрели простоту в пастернаковском понимании, которая достигается адекватностью элементов поэтического письма в развитии темы, замысла, и в них критикам нечего расшифровывать для «непросвещённых». Вот ныне в ходу так называемая «филологическая поэзия» со своими «центоннами», там есть что разгадывать, но она адресуется авторами эрудитам, «особому контингенту», не более как игра на узнавание. Но полезно в поэзии, может быть.

Всё же хочется кое в чём и упрекнуть Т. Ильину на первом выходе, и посоветовать, и пожелать, и даже, как говорится, выразить надежду.

Не испытывая терпение читателя, пожалуй, скажу о главном в свете вечных споров о месте поэта в жизни общества, сразу одним махом «упрекну и пожелаю».

Мне хотелось бы, чтобы Т. Ильина прислушалась к совету и поверила опыту Анны Ахматовой, хотя бы потому, что именно она «научила женщин говорить». Так вот, А. Ахматова в автобиографических заметках написала: «Для меня в них (в стихах. – М. А.) – связь моя с временем, с новой жизнью моего народа». Мы знаем, насколько был труден путь А. Ахматовой от личностного до державности. В дилемме выбора поэта: или ты живёшь жизнью народа, неся добровольческое бремя обязанностей, или занимаешь нишу в роли «обслуживающего персонала» – уютно, независимо от того, какая эпоха на дворе, как «астра в уюте букета». Сочувствие продавщице мороженого и поддому мужику, выраженное автором «в вагонной тоске», в симпатичном стихотворении «Вот примятая рошца...» гражданского тона в книге в целом не прибавляет..

А у нас, судя «по погоде в нашей книге», «получилась такая картина»: догорает бабье лето! Исполнив своё предназначение – явить миру красоту, отгорели астры, пожухли на запущенной нерадивым хозяином грядке вместе со всем зелёным братством. Но в любое время года, стоит только открыть эту добрую книгу стихов Тамары Ильиной, – всё повторится от весны до бабьего лета, и даже расцветут астры, которым так не повезло на грядке моего предисловия.

*Михаил Асламов,
член Союза писателей России*

* * *

...Где беспмятно падают ливни,
Где пахучий настой тополиный
С горьким привкусом сорванных трав
Постоянен, как крови состав;
Где угаданным детским желаньем
Островок одуванчиков ранних
На зеленой траве у крыльца
Всякий раз восторгает сердца;
Где в густой душноватой полыни
Можно выщептать чьё-нибудь имя.
Где налившимся яблоком вдруг
Летний день выпадает из рук...

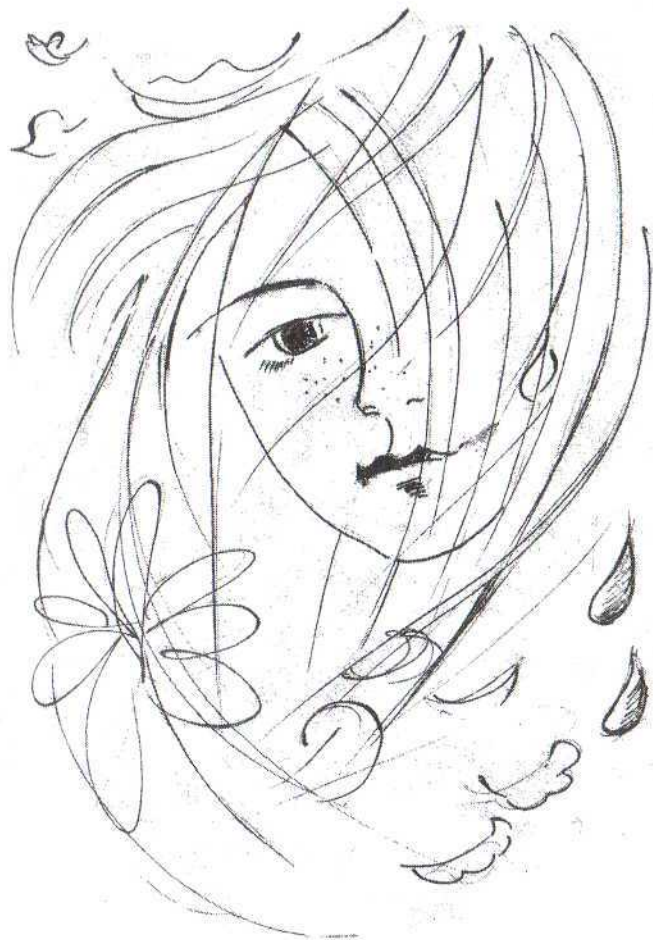

* * *

Некрасивая девочка,
Большеглазый подросток,
Не гляди недоверчиво –
Всё придумано просто.

И совсем не от горечи
Эти светлые слёзы –
Акварелью солнечной
Золотятся берёзы.

И ромашка беспечная,
Как зелёную брошку,
Протянула кузнечика
На упругой ладошке.

* * *

Избушка ветхая за речкою
Живёт – пускает дым колечками,
Зимой укрытая от всех.
Там за окошками морозными
Котёнок с подбородком розовым
Глядит задумчиво на снег.

Там две старушки-говоруньи,
Все говорят – они колдуньи,
Их мётлы спрятаны в углах.
И только сумерки нахмурятся,
Как прочь несёт меня по улице
Домой глазастый детский страх.

А у меня-то дома – бабушка,
А у меня сестрёнка рядышком

И кот, обнявшийся с клубком.
И мама здесь, на фотографии,
Мы ей вчера письмо отправили
О том, как хорошо живём.

Опять метель метёт за окнами.
Как там старушки одинокие,
Как их скучающий коток?
А мама смотрит так внимательно.
Мы к ней поедem обязательно
На Дальний – дальний! – на Восток.

* * *

Подумать только, здесь и я жила,
Могла ногой озябшей трогать воду,
Когда, двоясь, ближайшая природа
В студёные смотрелась зеркала.

И мерить страхом глубину озёр,
(Там кто-то жил в прохладном нежном иле),
И всё вокруг своё имело имя
И общее название: простор.

Здесь жизнь влекла, как будто бы игра,
И день кончался тёмной ночью звёздной,

Очарованием собачьей позы
На фоне задремавшего двора.

И неизбывным счастьем: это всё
Ещё вернётся, будет даже лучше.
И можно было засыпать и слушать,
Как шумно в ночь состав себя несёт.

И вот от этих памятных озёр,
От старых рельс, что дребезжат и гнутся,
Мой поезд слишком сильно оттолкнулся —
И я всё еду, еду, до сих пор...

* * *

Распатывая старые заборы,
Ломились в утро запахи окрестных
Цветеньем переполненных садов,
И проникали в дышащие поры
Отпущенных на волю занавесок,
И спутывались с выдумками снов.
И было хорошо проснуться рано,
Подробностями дня не отягчённым,
Забраться на какой-нибудь бугор
И с высоты велосипедной рамы
Глядеть, слегка задумавшись о чём-то,
На дальний бледно-розовый простор,
На ближний лес, что в реку опрокинут,
На белые сады с домами рядом
И быть счастливой от того уже,
Что сохраняет Бог места такие,
Где, чтоб заплакать, ничего не надо —
Ни боли и ни тягости в душе.

* * *

Дождалась! Дотерпела.
Благодарна судьбе.
Всё, о чём бы ни пела,
О тебе! О тебе!

В окнах жаркая осень,
Листья звонче монет.
Будто не было вёсен,
Будто не было лет.

Торопилась, смеялась,
Говорила слова,
Словно в чём-то боялась
Оказаться права.

* * *

Ветер простоволосый,
До расправы охоч,
Треплет иву за косу,
Как беспутную дочь.

Разбивается насмерть,
Налетая на дом,
Чтоб негаданно – Здрасьге! –
Объявиться потом.

И, пугая прохожих,
В полумраке дворов
Будет хлопать в ладоши
Незакрытых ворот.

* * *

Шестнадцать. Догораю свечкой,
И мамин холодит брелок...
Неловко поднимая плечи,
Со мной танцует паренёк.
Ещё с досадой – про объятья,
Ещё никто не целовал...

Надену завтра то же платье,
Чтоб он скорей меня узнал.

* * *

Обветпало, стопталось крылечко,
Мелко дряблые окна дрожат,
Но исправная топится печка
И дрова под навесом лежат.
Разноцветья белья полыханье
Подтверждает неумерший быт.
Отлетает деревни дыханье
Вместе с дымом из тёплой трубы.
Только держится всё же, упрямо
Выживает, надеется дом,
Что к весне будут новые рамы
И посадят цветы под окном.
Будто кто-то сюда возвратится,
Всё вокруг оживёт в суете,
Будто может судьба усомниться
В беспредельной своей правоте.

* * *

Во времена стремительной утраты
Того, что облегчает нам дыханье,
Давай с тобой помолимся стихами,
Как если б в этом были виноваты.

Как если б мы одно прожили детство,
Где вместе обретали навык сердца,
Который входит постепенно в кровь,
То кстати, то некстати с ней рифмуясь.
Откуда жарких дней июльских смуглость
Сияет нам с далёких берегов.

Как если б это было так... как если б
Одни и те же мы любили песни
О том, что сердце вольное велит.
Как если б нам довольно было взгляда,
Когда и говорить совсем не надо
И спрашивать не надо, где болит.

* * *

Бродим бесплотны, как тени,
Мир замечая едва,
В пенном, гремучем коктейле
Вязнут и тонут слова.

Сброшены майки, кроссовки,
Струйкой песок золотой,
Стулья пустые в столовке
Выдадут нас с головой.

Что нам до тех, кто оспорит
С правилом наперевес
Право избранников моря,
Солнца и синих небес,
Кто по каким-то приметам
Жар заподозрит в крови.

В наше короткое лето
Вынало столько любви!..

Жара

Июльский воздух жаром полон,
Цветенье липы. Медосбор.
Под сорок! В обмороке полдень
В тенёк приткнулся под забор.
Цветок душистый сник и замер,
Пчелу с себя не в силах сдуть.
И мнится божьим наказаньем
Работа в поле и в саду.

Экватор дня! Спасенье – в речке,
От зноя улицы пусты.
И в воду забрели по плечи
Ракиты сонные кусты.

Ветер

На макушке сомлевшего лета
 Опьяняюще пахнет покос.
 Над водой ветерок незаметно
 Шелестит целлофаном стрекоз.

Желтоватых цветов парашюты
 Опустились за краем села.
 Пролетают часы и минуты
 Тише вдоха и легче крыла.

Только ночь не настанет, покуда
 Не проступит на небе звезда.
 И возникнет она – ниоткуда,
 И обратно уйдёт – в никуда!

* * *

Стекала утренняя мгла
 По мокрым крышам.
 Я в дом на цыпочках вошла,
 Никто не слышал.

Но вопрошали зеркала
 В упор, как дети:
 Ты где была, как ты могла
 Ему ответить?

Теперь глаза куда девать –
 Ну что за прихоть?
 Скорее бухнуться в кровать
 И там затихнуть.

Так одеяло натянуть,
 Чтоб глаз не видно.
 Легко и счастливо вздохнуть:
 Как мне не стыдно!

* * *

Мы дверь неплотно притворили,
 И от покачиванья шторки
 В углу придушенным мышонком
 Шевелится комочек пыли.
 Уходит с летом безотказность
 В свободе, лени, сумасбродстве,
 И, как запущенный подросток,
 Слоняется по саду август.
 А ветер вслед ему ревниво
 Покров ровняет травянистый
 И перетряхивает листья,
 И пересчитывает сливы.
 Бросает вдруг до середины
 Не доведённую работу
 И перепрыгивает что-то
 В густые заросли малины.

* * *

Как будто не время ещё
 Стоять непогоде,
 Но, видно, какой-то просчёт
 Случился в природе.

И пусть всё ещё хороша
 Зелёная крона, —
 От сырости стынет душа
 У старого клёна.

Лишь празднично астра цветёт
 В уюте букета
 И не принимает в расчёт
 Обидчивость лета.

* * *

Лета короткая повесть
 Будет писаться легко:
 Неунывающий поезд
 Через тоннеля ушко
 Радостно выскочит к морю,
 Как отвязавшийся пёс,
 Пенному рокоту вторя,
 Чуть не свихнувшись с колёс.
 Каждый у моря – избранник,
 Каждая песня – своя!
 О, состоявшийся праздник
 Радостного бытия!
 Там, где прибой саганеет
 От равнодушия скал,
 Наши следы затемнеют,
 Вмятые в кромку песка.

* * *

А за летом будет осень,
 Только б лето переждать,
 В поддувало подворотен
 Ветер бросит листьев жар.
 Остановится и ухнет
 Сердце вниз, войду когда
 В Вознесенский переулок,
 Где жила моя беда.
 Ах, как всё давно знакомо
 Возле памятного дома!

Кто мне может запретить
 Где мне хочется пройтись?

Свет – не клином. Целым светом.
 Был двора угрюмый трюм...
 Повезёт – с твоим соседом
 У ворот поговорю.

* * *

Упростилась жизнь до счастья,
Быт бесхитростный знаком:
Тихо сплетничают часики
На комодe шепотком
С темнотой. В кроватном логове
Безопасно и тепло.
Ночь задумчивая, долгая
Нас пустила под крыло.
Не поставила условия,
Не заставила решать,
А пришла и в изголовии
Тихо встала, не дыша.

* * *

У окна смотреть, как, ночь осилив,
Поезда врываются в рассветы,
Криком дрожь разлуки унимая.
Видеть, как бегущая осина,
К речке подгоняемая ветром,
Платье через голову снимает.

Слушать, как лакает дождь из плошки,
Доверху наполненной водою,
И молчать. Пусть это вечность длится.
Свет – не клином, просто свет в окошке, –
Вот и всё, что нужно нам с тобою,
Только думать. Вслух сказать стыдиться...

* * *

У вечера в петлице
Последняя сирень.
Роман наш долго длится —
Уже четвёртый день.
Четвёртый день разлуки
С той жизнью, где мы врозь.
Ах, что июнь от скуки
Творит со мной всерьёз!
Качает от бессонниц
Нагретое крыльцо.
И трудно против солнца
Смотреть тебе в лицо.

* * *

Прожито целое лето...
 Линялые сарафаны
 Слегка тесноваты в груди...
 ...Тоненький шёлковый шрамик
 На загорелой коленке,
 Такой приятный на ощупь –
 Теперь и не вспомнить откуда...

...До глухоты купание
 На мелководье озера,
 Увявшие белые лилии,
 Брошенные на песке...

...Секреты сестры с подружками
 За притворённой дверью

(Свою обидную младшесть
 Лучше всего выплакивать
 В пыльной глуши чердачной...)

А где-то живут поблизости
 Слегка позабытые взрослые.
 ...И лёгкие детские слёзы –
 Могилка птенца под деревом.

...Прожито целое лето.

* * *

На светофоре свет зелёный.
Через дорогу с рюкзачком
Идёт ребёнок, вразумлённый
Моим заботливым тычком.

Его оберегаю взглядом:
А вдруг споткнётся, упадёт?
Но он, познавший слово «надо»,
Идёт уверенно вперёд.
С утра, без слёз расставшись с кровом,
Его святая простота
На лице города большого –
Почти случайная черта.

...Перехватила горло жалость...
Дитя замешкалось на миг
И, обернувшись, показало
Мне на прощание язык.

* * *

Когда-то и ты повзрослеешь
До первых серьёзных сединок,
Когда – не дай бог! – заболеешь,
Изверишься, будешь один.

Когда (и такое бывает)
Получишь недобрую весть,
Я сердцем тебя призываю:
Не бойся, мой милый, я здесь.

Лишь стоит получше взглядеться
В деревья и в синь на ветру.
Ты знаешь, хороший мой, с детства,
Что я никогда не умру.

Что вечно я буду маячить
На этом бессменном посту,

Ведь я не исчезну, мой мальчик,
А лишь отступлю в темноту.

Я стану – нигде и повсюду,
Пусть ты не заметишь меня...
И часто подглядывать буду
В замочную скважину дня.

* * *

В мире удобных истин,
Правильных, гладких фраз
Нам предъявляет иски
Мир социальных драм.
Хватит ли благородства,
Трезвости головы?
Нынешнее сиротство
Не от войны – увы.
Проще – возьми конфету,
Проще – полтинник? – На.
Как достаёт нас эта
Уличная шпана!
Дети с глазами взрослых,
Что они ждут от нас?
Тётя посмотрит косо,
Дядя в сердцах поддаст.
Дома с телеэкрана
Тёплый не льётся свет,

Дома такая мама,
Будто её и нет,
Не по сезону шапка,
Не по плечу пальто...
Что происходит? Жалко,
Должен ведь кто-то...
Кто???

Сытые нелюбовью,
Прячущие глаза,
Увеличитель боли —
Детских обид слеза.

* * *

Из восточной экзотики пышной,
Что туристам попала в полон,
Нам достался застенчивый рикша
И нарядный его фэзтон.

И помчались. Повозку кидало
В переулках.

Жгло солнце огнём.
Но крутил наш возница педали,
И рубаха темнела на нём.

Только ветер, горяч и засушлив,
Бахрому задувая в окно,

Вдруг взметнул наши руки и души,
Как в старинном забытом кино.

И в каком-то сознание непрочном
Мы летели, рискуя сгореть,
Трепеща, словно бабочки ночью
В ярко-жёлтом большом фонаре.

* * *

Что с того, что теперь мы неблизко
И по разным бредём городам.
Голос мой совершенно без риска
По упругим летит проводам.

Отдалённостью облагорожен,
Перехваченный трубкой в руке,
Променивший полёта возможность
На возможность прижаться к щеке.

На возможность дойти до абсурда,
Вымеряя обиды до дна.
На возможность свалиться с простудой,
До утра простояв у окна.

* * *

Опять сошлись на крыше два кота.
И были их претензии друг к другу
Столь велики, что скоро всю округу
Ночная охватила маета.

Луна плыла, цепляясь за сучки
Деревьев голых. Становилось пыткой
Безглазого светила любопытство,
Обшарившего даже уголки.

Всё наконец под утро улеглось,
В холодном свете двор молчал угрюмо.
Стояла тишина. И каждый думал,
О чём ему сегодня не спалось.

Скажи мне...

Ну кто ты такой, объясни мне,
Чтоб я без тебя не могла?
И замертво падают ливни,
И листья сгорают дотла.

Красивый? – Да мало ль красивых.
Умелый? – Да каждый второй!
И где тебя только носило
Полжизни, нечаянный мой?

Стихи, как молитву, читаешь,
И шпрамик смешной на губе...

Скажи мне, ну кто я такая,
Чтоб всё это знать о тебе?

* * *

Далеко до рассвета,
Тёмной ночи провал,
Тяжесть тёплого ветра
Ощущает трава.

Пахнет влажно и стойко
В переулке моём
Аспириново-горьким
Тополиным листом.

Дышит тьма круговая,
Тяжело, как в бреду.
Ночь такая бывает
Раз в году...

* * *

...Не то чтоб чего-то мне жаль,
Не так чтоб озябнуть до дрожи,
Но старой калитки печаль
Привычно меня растревожит.

А сада просторные сны
Наполнены ливнем и ветром.
И только сиянье луны,
Как зимняя даль, безответно.

* * *

Осень дышит на окна
И от холода ёжится
В платье рябеньком мокром
Из кисейного дождика.
За окном запятыми
Воробьи поразвешены,
Провисают под ними
Провода отсыревшие.
И гусиная стая
Вверх взметнётся от выстрела...
Ветер к ночи устанет
Дирижировать листьями.
Тронет ветки чуть слышно
И, свернувшись калачиком,
Примостится под мышкой
Копёнки взлохмаченной.

* * *

Где скакал телёнком глупым
 Необузданный восторг,
 Сбросила заря над лугом
 С плеч малиновый платок.

Всё ушло: печаль и споры,
 Чья-то горечь и вина.
 Чешет спинку о заборы
 Сонной кошкой тишина.

Прикорнул репейник чинно
 Под стожком среди травы,
 Тащит длинную травину
 Из лохматой головы.

На рябине догорают,
 Свесив гребни, петухи.
 Август вечер у сарая
 Пеленает в лопухи.

* * *

Мне спасенье в дороге –
 Выручайте, вокзалы.
 Я зову на подмогу
 Ожидания залы.

Здесь надежды обитель,
 И под взглядом случайным
 Растворяю обиды,
 Исповедуюсь тайно.

Мне пока неизвестно,
 В чьи мелькнувшие лица
 До отхода экспресса
 Я успею влюбиться.

Мне светло и печально,
 Поезд тронулся, еду.
 За минуту молчанья
 Благодарна соседу.

* * *

Ночь добывает по крохам
Свет из огня.
На расстоянии вдоха
Ты от меня.

Век бы не мог превращаться
В свет полумрак!
Так нам бывает нечасто,
Нам бы – не так.

Век бы посланцем прощанья
День не пришел!
И холодит расставанье
Тела с душой.

* * *

Я не знаю, как мне жить на свете,
Что мне делать с этим человеком.
Обдувает сна неслышный ветер
Лоб его и смеженные веки.

Длится ночь зимы державной властью,
Не кончаясь, и фонарь дворовый,
Будто пёс, весёлой жадной пастью
Упорхнувшие снежинки ловит.

И, руками обхватив колени,
Я не сплю, гадая, что же дальше...
Счастье в малом: голос, взгляд, движенье...
Всё пока обходится без фальши.

* * *

А погода – какая угодно,
 Все прогнозы синоптиков – смех.
 И деревья растут, как удобно
 Им ловить зазевавшийся снег.

Он повиснет на ветках клочками,
 Но уже, нарушая черёд,
 Дождь без памяти бьётся о камни,
 Разобьётся – и снова живёт.

И ничто ничему не подвластно,
 И никто никому не указ.
 Всё, что было и будет, – напрасно,
 Всё, что есть, не оценишь сейчас.

Чёрный дом, прибудившийся к морю,
 Не берущий в расчёт круговерть,
 Умирает от давнего горя
 И не может никак умереть.

* * *

Уже осенний властвует сезон,
 Но существует маленький зазор
 Между теплом и холодом, в который
 Вмещается тревожный долгий клин,
 Что пролетает, ударяясь в крик,
 Над стылým цепенеющим простором.
 Летит в осиротившей вышине,
 Где жизнь и смерть давно в одной цене,
 Печаль свою расплёскивая вольно,
 Не доверяя памяти людской,
 Он поражает каждый раз тоской,
 Такой тоской, до жарких слёз, до боли.
 О этот зов, что слышится века
 В пронзительности русского стиха,
 Тебя настигший в одичалой пойме!
 И ты, себя теряя самого,
 Как в младости, не знаешь ничего
 И ничего, как в старости, не помнишь.

* * *

Бабье лето пасётся в лугах за селом,
И легко отдыхается щедрой земле.
На закате исходят последним теплом
Ноздреватые серые ломти полей.

День, как ярмарка, снова закружит меня,
Мне совсем не до грусти в его суете.
Но почувствую вдруг среди шумного дня
То ли голос тревог, то ли запах аптек.

Вот и дождь, пробежав по остывшей земле,
Гасит вспышки листвы на холодном ветру.
И бессонниц моих изнуряющий плен
Снова вводит в тобой заколдованный круг.

Лишь потом, вдалеке, в середине зимы,
Разом всё пережив и уже не скорбя,
Я пойму давних слов облегчающий смысл,
Летом сказанных мной:
«Отпускаю тебя...»

* * *

В огромной комнате пустой
Без сна и света,
Беду мешая с темнотой,
Как шёпот с ветром,
Забить. Не думать, не рыдать –
Ещё держаться.
И до утра чего-то ждать
И не дождаться.
И быть ни с кем, и стать ничем,
Достичь предела.
И что-то делать, и совсем
Не знать, что делать.

* * *

Дай любви уйти. Не суетись.
Головой о стену – бесполезно.
И в потерях есть какой-то смысл.
Пусть уйдёт чуть раньше, чем исчезнет.

О, нелепость беззащитных фраз!
В них любовь и не нуждалась прежде.
Есть ещё опора на вчера,
Но уже на завтра нет надежды.

* * *

Ветром день перекручен,
 Ничего не поймёшь.
 Туча ближнюю тучу
 Подбивает на дождь.
 На болотах у кочек
 Посвалялись чубы.
 Стылый воздух щекочет
 Тёплым дымом трубы.
 Птицам не до веселья
 Среди голых ветвей.
 Грязный войлок осенних
 Неухоженных дней.
 Покоробится скоро,
 Занемееет земля,
 И запасом покоя
 Снег накроет поля.

* * *

Простуженный город осенний
 Сырою бездомностью пах,
 Бумажных листков заусеницы
 Белели на тёмных столбах.

Афиша расстаться пыталась
 С глухой нелюдимой стеной...
 Я где-то такое читала.
 А может, всё было со мной?

Ну что за смешная отрада
 Бродить в полумраке дворов,
 Глотая завистливым взглядом
 Лимонный уют вечеров.

Как будто за окнами люди
 Помогут озябнувшей мне
 Принять переменчивость дней,
 Познать переимчивость судеб.

* * *

Не убедить всей силой слова,
 Что гордость – вовсе не пустяк,
 Когда ты знаешь, что готова –
 На первый зов, на первый шаг...

Вольно ж одним – в глаза смеяться
 Легко и весело: «Увы!»
 Другим – с тяжёлым сердцем клясться,
 Не поднимая головы.

Стыжаше

Расплывшийся фон близорукой зимы
 Темнеет на самом исходе.
 О как опрометчиво встретились мы
 В момент межсезонья в природе.

Как будто на ощупь касаемся слов
 В неверном движенье навстречу.
 Щадящая сердце невнятица снов
 Укроет. Обнимет. Излечит.

А книги на полках заветно тихи.
 Открою одну – на удачу..
 Какие смешные бывают стихи!
 И почему-то заплачу.

* * *

Быт поладил с дождём,
В поговорку почти что вошедшим:
Сушим дома бельё,
Делим небо на соты зонтов.
И шатается дождь
День и ночь городским сумасшедшим,
Донимая наш слух
Шепелявой сумятицей слов.
Впору ладить ковчег,
Мы ж, по памяти, сани да лыжи,
Город мякишем хлебным
Развалится, видно, к утру.

И старается зря
Старый дом, наживающий грыжу,
Удержать на весу
Водосточные вывихи труб.
Как нам быть,
От унынья невзвидевшим белого света,
И терзаем беспомощно
Снимков цветных вороха,
Наизусть затвердившие
Дни прошлогоднего лета,
Как любимые строки
Обычного, в общем, стиха.

* * *

Вот садик, опоясанный забором.
 Гуляет ослабевшая калитка
 В разношенной верёвочной петле.
 Всё было так давно, что трудно горлу
 Сплотнуть слюну, как будто в самолёте
 В минуту приближения к земле.
 Вот ветки сливы полуодичавшей
 На каждый оклик ветра отвечавшей
 По старой крыше глухо, вразнобой.
 Ну что же в горле так першит и ломит,
 Ведь я же ничего не помню, кроме —
 Как это спать мешало нам с тобой...

Прощание

Есть только минута у нас,
 И надо прощаться...
 Вольно ж мне в стотысячный раз
 Сюда возвращаться!
 Когда бы не времени счёт,
 Мне точно известно, —
 Всё можно б исправить ещё
 Вот с этого места:
 И я бы сказала: «Постой,
 Всё дело в привычке!»
 Но мы расставались с тобой
 У той электрички.
 И я бы тебя обняла
 И рук не разжала...
 И я бы тебя догнала,
 Вперёд забежала,

Навзрыд среди белого дня
Кричала бы, пела...
Но ты уходил – от меня!
И я не посмела.
Но ты навсегда уходил
Без крика и спора.
И ветер отчаянно выл,
Цепляясь за полу.
И падала с неба вода,
Стонала, дрожала,
Но ты уходил – навсегда!
А я не держала...

* * *

Однажды сквозь тьму вековую пробиться,
Из недр забытья и молчанья – добыть,
Наплакаться досыта, наговориться,
В глаза наглядеться – про всё позабыть.

Обняться, затихнуть – о счастье! – и снова
Хвататься, боясь что-нибудь упустить,
За всплывшее тонкой соломинкой слово –
И всё говорить, говорить, говорить...

И думать, с собой поступая нечестно:
Ну что тебе, господи, стоит, скажи,
Что ты не исчезнешь, что ты не исчезнешь,
Что мы будем долго и счастливо жить.

* * *

Вот примятая рощица
После зимы обсыхает,
Вот ворона манерная
На привокзальной ограде.
На перроне податый мужик
Пристает к продавщице,
Что катает тележку с мороженым,
Будто коляску.
Вот устала она, на скамейку присела,
Он – рядом,
И затихли на время
В каком-то согласном молчанье,
Канареечно-яркий жилет
И бордовая куртка.

На вокзальной скамеечке
Можно о многом подумать:
«Зять в больницу опять угодил
С прошлогоднею язвой,
Говорила, не пей,
Так не слушает ведь, дурачина...
Дочку младшую
В школу опять не могла добудиться,
Вся в папашу покойного,
Только бы бегать по танцам...»
А мужик – он и вовсе бобьль,
И в его интересах
Не мешать её мыслям
Привычно и горестно длиться.
Эта женщина очень давно

У него на примете.
Может, в гости когда позовёт,
Что-нибудь по хозяйству...
И ничем не могла,
Да и чем бы смогла я помочь им
Из вагонной тоски,
Никому не дающей прохода,
Где в окне у меня получилась
Такая картина:
Продавщица с тележкой,
Нетрезвый мужик и ворона...

* * *

Ну чего этим сёстрам хотелось в Москву?
Я впадаю в неё, как впадают в тоску,
Выпадая из поезда в зимнюю мглу,
Как незванный татарин к чужому столу.

Что с того, что я знаю: в любой суете
Мне глаза не откажут в её красоте,
Что меня, как и всех, принимают сады
Над затоптанным городом шумом воды.

О держава держав, о столица столиц!
Кто не валится навзничь, тот падает ниц.
А кому выяснять отношения с ней
И кого привечать – ей конечно видней.

Кто не верит слезам, кто не верит глазам,
Вот уже в двух шагах Ярославский вокзал,
Вот сейчас, не успею до трёх досчитать...
Надо б как-нибудь Чехова перечитать.

Багажа с потерянной полотнице

За сутки обживёшься кое-как,
Смиришься с тем, что пол всегда качает,
Что на столе – с пакетиками чая,
Вкрутую яйца, вечный «Доширак»,
С соседством близким тел чужих и тем,
Нацеленных на выдачу секретов
Из личной жизни, с тесным туалетом,
Который в бедрах жмёт, наверно, всем.
Читаешь, спишь, глядишь в окно – привык,
Втянулся – так и жил всегда как будто,
Но вот к тебе врывается под утро,
Веля вставать, опухший проводник.
И вскакиваешь быстро, как солдат,
Постель сдираешь, наволочку тоже,
И замечаешь в ужасе: О боже!
А полотенца нет! Соседи спят.
И, брошенный судьбе на произвол,

Скулишь, клянешь кого-то втихомолку,
Зачем, не зная, поднимаешь полку,
Заглядываешь в панике под стол,
И, все вокруг поднявши кверху дном,
Уже не помня, по какому разу,
Трясёшь постель. Находится, зараза!
Пльвёт перрон за утренним окном.
И оттого, что ты уже чужак
В тобой обжитом замкнутом пространстве,
Тебе не то чтоб страшно, как-то странно,
Чего ты хочешь – не поймешь никак.

Эпиграммические мотивы

1.

Дождь сегодня походит
На танец. На белый.
– Вы танцуете? Нет?..
Пригласила. Посмела.

Под круженье дождя
И листвы колыханье
На мгновенье смешаются
Наши дыханья...

Мой случайный прохожий,
Не верьте в случайность.

Проживём нашу встречу
Светло и печально.

Я потом в этом дворике
С чувством третьего лишнего
Поздоровуюсь с ясенем,
Нас приютившим...

И фонарь у виска
Вековечного дома
Мне качнёт головой,
Будто старой знакомой.

2.

Я люблю, чтобы тихо набегали слова,
Волна за волною, шурша о камни.
И в рассветной дрожи влажнела трава
И смешивались дыханья.

Хорошо бы такой вот предутренный час
И коротким летом, и долгой зимою
Проживать у твоих самых синих глаз,
Как у кромки самого синего моря.

3.

Не будет слов,
Их просто нет – таких,
А будут лишь глаза на пол-экрана.
И будут руки:
Очень крупным планом,
Сплетенье рук в доверии двоих.
Ещё там будет музыка стиха
«Я встретил Вас ...»
Из звуков откровений,
И всё вместится
В несколько мгновений,
Отснятых спешным взглядом,
Впопыхах.

4.

Неправда, что влюбляются весной,
Мне кажется, пора влюблённых – осень,
Когда земля ещё тепла не просит,
И дождь, как летом, крупный, рассыпной.

Неправда, что влюбляются весной.
А вы другого мнения об этом?
Вы говорите, что влюбились летом,
И спорить не намерены со мной.

Но я открою Вам секрет сейчас,
А был он, кстати, лишь для Вас секретом:
Любовью отболели Вы за лето,
А я всю осень без ума от Вас!

5.

Ещё пока размачивает кисти,
Раскладывает краски и альбом
И первый штрих на лист наносит чистый
Невидимый нам кто-то за окном.

Но вот уже его приход замечен,
И, подчиняясь замыслу, вздохнув,
Стекает лист сухой, как воск по свечи,
Ни звуком не царапнув тишину.

Дожди и холод – это будет после,
Художник завершил уже сюжет
И на листе поставил подпись: Осень.
А рядом уточнил: Автопортрет.

6.

Ночь дышит шумно и тепло –
Большая чёрная корова.
Был день не добрый и не злой,
Как недосказанное слово.

А что он завтра принесёт:
Обиду, радость, утешенье?
Вздыхает тополь у ворот
И ждёт рассвета, как решенья.

* * *

Я закрою глаза, сотворю темноту,
 Тишина приобнимет за плечи,
 Уводя постепенно меня за черту,
 Где живётся и плачется легче,
 Где неясной тревоги пушистый озноб
 Растворится в горячем потоке,
 Размывающем грань между явью и сном,
 Унося набежавшие строки.
 И когда наконец станут слезы легки,
 вспыхнет свет непонятно откуда,
 Будто прямо в глаза глянет из-под руки
 Тот, кого не забуду.

* * *

И ночь прошла. Уже на окна
 Дышал встревоженный рассвет.
 И чай остыл. И рядом блёкло
 Светилась пачка сигарет.

И жалось по углам уродство
 Вчерашних слов, вчерашних фраз,
 Нам отказавших в благородстве
 И пониманье – в первый раз.

И мы бродили бесприютно,
 До неприязни далеки,
 И плотность штор спасала утро
 От разоренья и тоски,

Как бы от нас спасала праздник,
 (Ему не знали цену мы!)...

Как был пронзительно прекрасен
 Свет, отделяемый от тьмы.

Старый дом

Здесь давно хозяева другие,
Было б хуже, если б пустовал...

Кто из нас намеренья благие
В нужный срок исполнить успевал?
Разве в обещании приехать
Не было от правды ничего?
Глупое доверчивое эхо
Повторяло много лет его...

Есть на свете – убедишься лично –
То, что и в иные времена
Дорого, бесценно, безотвычно,
Как людей любимых имена.

Он один меня встречает только
И листвою тихонько шелестит,
За ворота выставленный тополь,
Так и не решившийся уйти.

* * *

Я вернулась к его берегам,
 Уповая на чудо,
 Этот город меня отторгал
 С постоянством зануды.
 Отторженья горчайший момент...
 Да, он знал своё дело:
 Я не иногородний студент –
 Иностранное тело.

Милый город, тебе всё равно,
 Мы не сестры – не братья...

Но – распахнуто в полночь окно
 В безрассудстве объятья!

* * *

Дыши!
 Если хочешь, посмейся над чем я заплачу:
 А если бы мы разминулись в соседних веках?
 И сердце моё не справляется с кровью горячей,
 И снова о рёбра ночами колотится страх.
 Дыши!
 Даже если звучит для тебя приговором
 Короткое слово во дни потрясений и лжи.
 Дыши!
 Понимаешь, мы просто не знаем другого,
 Другого такого надёжного способа жить.
 Дыши,
 Не жалея свои опалённые бронхи,
 Морозом и ветром, горячечным бредом огня.
 Дыши,
 Вот увидишь – всё выйдет не так уж и плохо,
 Не так уж и плохо всё будет идти без меня.

* * *

Рассованы тёплые птенчики
По ласковым пазухам гнёзд,
Вздыхает, умаявшись к вечеру,
Свернувшийся бубликом пёс.

Становится всё незаметнее
Листва в тополиной глуши,
И что-то коснётся заветное
Ещё неокрепшей души.

Но в эту прохладу вечернюю
Среди проступающих звёзд
Слова потеряли значение,
И всё понимаешь до слёз.

* * *

Как надменно и как поверженно
Смотрит время на нас
С привокзальных часов, истерзанных
Миллионами глаз.

О, мы с ним не всегда почтительны,
День торопим и ночь,
Потому-то разоблачительно
По натуре оно.

* * *

В час пробужденья, когда мы становимся лучше,
Освобождённые за ночь от зла и тоски,
Сонные пути развяжет пробившийся лучик,
Лёгким движеньем касаясь запястья руки.

Сердце толкнётся, как будто бы пробуя биться,
То пробуждаясь, то вдруг замирая опять
До остановки.

И каждый к себе возвратится
В новое утро.
По-новому жить и страдать.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт с астрой в петлице. <i>М. Асламов</i>	3
«..Где беспамятно падают ливни...»	7
«Некрасивая девочка...»	8
«Избушка ветхая за речкой...»	10
«Подумать только, здесь и я жила...»	12
«Расшатывая старые заборы...»	14
«Дождалась! Догерпела...»	15
«Ветер простоволосый...»	16
«Шестнадцать. Догораю свечкой...»	18
«Обветшало, стопталось крылечко...»	19
«Во времена стремительной утраты...»	20
«Бродим бесплотны, как тени...»	21
Жара	22
Вечер	24
«Стекала утренняя мгла...»	25
«Мы дверь неплотно притворили...»	26
«Как будто не время ещё...»	27
«Лета короткая повесть...»	28
«А за летом будет осень...»	29

«Упростилась жизнь до счастья...»	30
«У окна смотреть, как ночь осилив...»	31
«У вечера в петлице...»	32
«Прожито целое лето...»	34
«На светофоре свет зелёный...»	36
«Когда-то и ты повзрослеешь...»	37
«В мире удобных истин...»	39
«Из восточной экзотики пышной...»	41
«Что с того, что теперь мы неблизко...»	43
«Опять сошлись на крыше два кота...»	44
Скажи мне	45
«Далеко до рассвета...»	46
«...Не то чтоб чего-то мне жаль...»	48
«Осень дышит на окна...»	49
«Где скакал телёнком глупым...»	50
«Мне спасенье в дороге...»	51
«Ночь добывает по крохам...»	52
«Я не знаю, как мне жить на свете...»	53
«А погода – какая угодно...»	54
«Уже осенний властвует сезон...»	55
«Бабье лето пасётся в лугах за селом...»	56
«В огромной комнате пустой...»	58
«Дай любви уйти. Не суетись...»	59
«Ветром день перекручен...»	60

«Простуженный город осенний...»	61
«Не убедить всей силой слова...»	62
Смятение	63
«Быт поладил с дождём...»	64
«Вот садик, опоясанный забором...»	66
Прощание	67
«Однажды сквозь тьму вековую пробиться...»	70
«Вот примятая рошица...»	71
«Ну чего этим сёстрам хотелось в Москву?...»	74
Баллада о потерянном полотенце	75
Элегические мотивы	77
«Я закрою глаза, сотворю темноту...»	84
«И ночь прошла. Уже на окна...»	85
Старый дом	86
«Я вернулась к его берегам...»	88
«Дыши!..»	89
«Рассованы тёплые птенчики...»	90
«Как надменно и как поверженно...»	91
«В час пробужденья, когда мы становимся лучше...»	92

Ильина Тамара Александровна
Экватор дня
Стихи

Редактор Асламов М.Ф.

Сдано в набор 15.09.07.
Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 3. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО "Экспресс Полиграфия"
г. Хабаровск, ул. Тургенева, 73

